

Артур Максимов  
(Брянск)  
ORCID 0000-0001-9884-4225  
doi: 10.36121/amaksimov.DB.2019.09.321

## **Борьба за власть в российской администрации в Царстве Польском в условиях реформ 1860-х гг.**

**Аннотация:** В статье представлена борьба российских сановников в центральной гражданской власти Царства Польского в период реформ 1860-х гг. Автор показывает роль ключевых участников политического процесса в Королевстве. На примере сложности работы над трансформацией автор объясняет степень противоречия между бюрократами. Статья иллюстрирует суть процессов, сопровождающих создание и организацию реформ. Автор анализирует влияние борьбы царских чиновников на реализацию политики Российской империи в Царстве Польском.

**Ключевые слова:** реформы, бюрократия, чиновники, Царство Польское, Милютин, Берг, Черкасский

### **The struggle for power in the Russian administration in the Kingdom of Poland in the context of the reforms of the 1860s.**

**Annotation:** The article introduces the struggle among officials in Russian Central Civil administration in the Kingdom of Poland during the reform period of 1860s. The author shows the role of the main participants of political process in the Kingdom. The article reveals the degree of controversy between bureaucrats at the example of difficulties in work on reforms. The paper images the essence of the processes, that accompanied the work on transformation. The author analyzes the impact of the struggle among officials on the implementation of Russian Empires' policy in the Kingdom of Poland.

**Keywords:** reforms, bureaucracy, officials, the Kingdom of Poland, Milutin, Berg, Czerkassky

### **Walka o władzę w rosyjskiej administracji w Królestwie Polskim w trakcie reform 1860-ч**

**Streszczenie:** Artykuł przedstawia walkę dygnitarzy rosyjskiej centralnej administracji cywilnej w Królestwie Polskim w okresie reform lat 1860-ych. Autor pokazuje rolę kluczowych uczestników procesu politycznego w Królestwie. Na przykładzie trudności pracy nad transformacją autor wyjaśnia stopień sprzeczności między biurokratami. Artykuł ilustruje sedno procesów towarzyszących tworzeniu i organizacji reform. Autor analizuje jaki wpływ miała walka wśród urzędników carskich na realizację polityki Imperium Rosyjskiego w Królestwie Polskim.

**Słowa kluczowe:** reformy, biurokracja, urzędnicy, Królestwo Polskie, Milutin, Berg, Czerkasski.

Царство Польское, вошедшее в состав Российской империи по итогам Венского конгресса 1815 г., всегда занимало важное место в политике государства. Особенное значение роль Польши имела в период Великих реформ 1860-х гг. Этот регион нуждался в преобразованиях не меньше, чем остальная империя. Кроме того, здесь всегда серьезным было стремление к обретению независимости. На фоне этих обстоятельств в Царстве в 1863-1864 гг. вспыхнуло восстание, которое послужило сигналом к более активным действиям властей в этом регионе.

Для реализации назревших преобразований были призваны люди, некогда зарекомендовавшие себя в качестве проверенных кадров. Ключевыми, по сути, являлись два назначения – Николая Алексеевича Милютина и Федора Федоровича Берга.

Н.А. Милютин отличался прогрессивными взглядами на проведение реформ. Приняв предложение императора о назначении, он получил чрезвычайные полномочия, не исполняя никаких функций в официальной управленческой структуре Царства Польского. Будучи подчиненным непосредственно императору, Н.А. Милютин мог предпринимать попытки самостоятельно реализовывать свое видение политики в отношении Польши. Вероятно, он стремился к созданию в Царстве бюрократического аппарата, управляемого доверенными лицами и проверенными кадрами. Можно даже говорить о создании нового типа российского государственного чиновника, воодушевленного идеей выполнения на

территории Царства Польского особой миссии, под знаменем национализма и различных современных для того времени идей «хлопоманства»<sup>1</sup>. Проводником и реализатором идей Н. А. Милютин стал Владимир Александрович Черкасский – назначенный директором комиссии внутренних дел в Царстве.

Н. А. Милютин стремился к созданию бюрократического аппарата, возглавляемого его товарищами по крестьянской реформе 19 февраля 1861 г., а также кадрами из центральной России. В этот период он практически был одним из наиболее приближенных к царю государственных деятелей. Новый подход царской власти в Польше, заключавшийся в ориентации на крестьян, а не на польскую шляхту и буржуазный слой польского общества, по сути, развязывал Н. А. Милютину руки. Ему уже не было необходимости считаться с интересами дворян, как это было при разработке крестьянской реформы 1861 г. в Российской империи. Наиболее вероятным раскладом последствий этих преобразований явилась бы, вероятнее всего, полная ликвидация автономии Царства Польского и опять же, института наместничества, чего, наверняка, не очень хотелось графу Ф. Ф. Бергу.

Граф Ф.Ф. Берг фактически противостоял и государственной политике в Царстве Польском, он не допускал массовой конфискации имущества у участников восстания, считая, что воздействовать на землевладельцев и крестьян гораздо эффективнее при помощи контрибуций и штрафов, в чем оказался, в общем-то, прав. Кроме того, Ф. Ф. Берг не упускал возможности удовлетворить свои интересы – ведь эти

---

<sup>1</sup> «Chłopomanstwo» – в этом контексте, идеализация крестьян, связанная напрямую со взглядами славянофилов в отношении крестьян, с их отношением к способу разрешения «польского вопроса», основанному на идее, что только при помощи крестьян можно достичь успеха в здешних преобразованиях, трактуемых как «царский демократизм», наполненный неприязнью к католицизму и антиполонизму. Подробнее: H. Głębocki, *Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków, 2000. s. 484-486.

штрафы приносили доход и самому наместнику, и военным начальникам, и полиции Федора Федоровича Трепова<sup>2</sup>.

Как утверждал историк Николай Васильевич Берг (однофамилец графа), взятки Ф. Ф. Берг не брал, однако не отказывался от присутствия в серьезных экономических мероприятиях. Ему предлагалось участие, и инициаторы порой даже не просили денег у наместника, им достаточно было получить его подпись. После определенного времени наступал расчёт, и граф с чистой совестью клал в конторку значительную сумму<sup>3</sup>. Все финансовые и экономические вопросы обсуждались с Ф. Ф. Бергом и отправлялись в Петербург только с его одобрения (учреждение Торгового Банка, Кредитного Товарищества города Варшавы). Обосновывал это наместник тем, что улучшение экономической ситуации усиливает связи империи с Царством<sup>4</sup>.

Большой резонанс на польских территориях породило введение военно-полицейского управления, на которое решился граф Ф. Ф. Берг во время подавления восстания 1863-1864 гг. Российская власть здесь в то время отождествлялась с наместником, поскольку именно он реализовывал планы по подавлению восстания и успокоению края, он был главным и самым ярким представителем империи в Царстве. Одним из примеров такого отождествления была реакция на распоряжение Ф. Ф. Берга о вышеупомянутой реорганизации управления. По мнению автора статьи в «Dziennik Poznański», распоряжение о введении военно-полицейского управления являлось свидетельством анархии и безвластия, до которых

---

<sup>2</sup> S. Kieniewicz, *Teodor hrabia Berg – wielkorządca w feudalnym, czy też w burżuazyjnym stylu?* [w] *Między feudalizmem a kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych*, Wrocław 1976, s. 283.

<sup>3</sup> M. Berg, *Zapiski i polskich spiskach i powstaniach*. Cz. 10. Warszawa, 1906. s. 90.

<sup>4</sup> S. Kieniewicz, dz. cyt., s. 284.

дошла московская власть в Польше, свидетельством того, что она не способна управлять обычными способами<sup>5</sup>.

Путем введения военно-полицейского управления империя хотела, будто бы управлять Царством с чистого листа. Там же говорилось о том, что российская администрация в Польше не любит оставлять старого административного деления, а объединяет повяты, снова делит, дробит на меньшие части для минутной выгоды. Характерной чертой системы российского управления в Польше представлялось то, что уничтожалось верхнее и низшее звено власти, а среднее оставалось функционировать, из-за чего возникали противоречия и коллизии<sup>6</sup>. Действительно, с введением военно-полицейского управления гражданские чиновники должны были продолжать исполнять свои функции.

Весьма логичным является то, что при подобном различии в подходах и взглядах на преобразования в Царстве Польском у двух главных чиновников, ответственных за новую политику, конфликт был неизбежен. Так вышло и на практике, под весь процесс преобразований был заложен часовой механизм, и лишь вопросом времени было обострение отношений между чиновниками в российской администрации. Подтверждение непростой ситуации можно было обнаружить уже в первые месяцы 1864 г., еще до начала реальной работы в Царстве по вопросам реформ, а фактически в момент организационных работ по устройству администрации.

Уже в июле 1864 г. прессой было замечено, что в российской администрации не все так гладко. «Dziennik Poznański» представлял весьма обширную характеристику на представителей власти в Царстве, замечая: «...ошибался бы тот, кто считал, что граф Берг является единственным и

---

<sup>5</sup> Dziennik Poznański. 1864. № 3. 5 stycznia.

<sup>6</sup> Там же.

реальным царским наместником в Конгрессном Царстве. Наместника у нас три: Берг, Трепов и Милютин. Разница между этими владельцами нашей жизни и богатства огромна...»<sup>7</sup>.

Ф. Ф. Берг, по мнению издания, был человеком, сохранившим определенную долю честности, которой мог бы обладать царский чиновник. И даже после жесткого подавления восстания, ослабления богатства Царства контрибуциями в нем виделась надежда и желание ослабить ту систему гнета, которая установилась на этих территориях<sup>8</sup>. Однако этого невозможно было сделать, поскольку рядом с ним был второй наместник – Ф. Ф. Трепов. В глазах автора статьи, представленной на страницах указанной газеты, генерал-полицмейстер выглядел как настоящий тип русского и охарактеризован был «*grattez le Russe, le Tartare paraitra*»<sup>9</sup>, он противопоставлялся людским побуждениям Ф. Ф. Берга и мстил полякам. Однако это не было проявлением какого-то социального или политического принципа, а «...животный инстинкт сохранения существующего положения дел...»<sup>10</sup> – это был страх того, что если Царство вернулось бы к мирному состоянию, то Ф. Ф. Трепов оказался бы попросту не нужен.

Третьим наместником был Н. А. Милютин, который, как и Ф. Ф. Трепов, был сторонником сохранения «системы возмездия», но по другим причинам: «... ему система мщения нужна для того, чтобы никто не мешал экспериментировать на нашем крае <...> а идеи их столь велики, что петербургские министры испугались, <...> чтобы они [партия Милютина]<sup>11</sup>

---

<sup>7</sup> Dziennik Poznański. 1864.. № 165. 21 lipca.

<sup>8</sup> Tamże

<sup>9</sup> (фр.) Вошло в русский язык как «поскреби русского – найдешь татарина», значило это примерно следующее – «Под тонкой оболочкой напускной культуры в русских по-прежнему скрываются дикари-людоеды».

<sup>10</sup> Tamże.

<sup>11</sup> В данном контексте сторонники подхода Н.А. Милютина, лагерь реформаторов.

– Авт.] не распространяли этих идей в России, поэтому за свой счет и с хорошим жалованьем отправили в Царство, чтобы только выслать их из империи, дабы они не распространяли вредное для деспотизма влияние...»<sup>12</sup>. Трудно сказать, насколько верными были подобные утверждения в газетных изданиях, особенно, если учитывать, что тот же Н. А. Милютин был призван императором для разрешения польского вопроса, будучи до того отстраненным от рычагов влияния на русскую политику. Однако стоит понимать, что данные слухи не взялись на пустом месте, и, если представлялись такие характеристики представителей администрации, значит они действительно резко контрастировали между собой как минимум в принимаемых решениях и воздействии на положение дел в Царстве Польском.

Главное же заключалось в том, что эта обстановка отрицательно сказывалась на подготовке и реализации реформ, создавая трудности там, где они не должны были возникать. Осуществление конкретных проектов приводило не только к борьбе «реформаторов» с системой, сложившейся в Царстве Польском ранее, но и выливалось в противостояние друг с другом тех, у кого изначально должны были быть общие интересы. Происходило это из-за того, что подобная практика решения насущных вопросов определенным образом позволяла сдерживать политических оппонентов. Отсюда возникало и впечатление об их деятельности, когда Ф. Ф. Трепов занимался арестами и ссылками, Ф. Ф. Берг предлагал хорошие идеи и важные проекты, но чужие, и которые в рамках системы военно-полицейского управления не могли быть реализованы, а Н. А. Милютин организуя и претворяя, по сути, правильные реформы, не знал, как их правильно реализовать, поскольку не знал Царства Польского<sup>13</sup>.

---

<sup>12</sup> Tamże.

<sup>13</sup> Dziennik Poznański. 1864. № 166. 22 lipca.

Первым крупным противостоянием в среде чиновников стал вопрос проведения монастырской реформы. Одной из главных локальных задач для «лагеря реформаторов» было не допустить успешной поездки наместника в Ковно и Эйдкунен, где он мог встретиться с Александром II. Граф Ф. Ф. Берг связывал со встречей с императором надежды на противодействие изменениям в монастырском деле, а также хотел решить некоторые кадровые вопросы, в которых был заинтересован лично. Князь В. А. Черкасский в положительном для наместника решении этих проблем, вероятно, видел вред для положения «лагеря реформаторов» и угрозу для успешного осуществления преобразований. Он писал по этому поводу: «...если из Ковно наместник вернется с сияющим лицом, что сейчас же пронесется по всему Царству, и если мы не получим здесь нравственного подкрепления, то мои усилия могут с течением времени даже весьма скоро оказаться тщетными...»<sup>14</sup>. Для В. А. Черкасского он сам и его подчиненные были небольшой группой единомышленников, которых сплачивал энтузиазм и нравственность. Он опасался, что если поставить эти составляющие под удар, то все «дело» может провалиться: «...признаюсь Вам откровенно: этой деморализации в нашем крошечном войске я боюсь более всех криков и кликов панов, генералов и наместников, вместе взятых; ибо этот нравственный элемент есть единственный, который однажды пораженный, не может быть восстановлен в прежней силе...»<sup>15</sup>

Князю удалось провести проекты монастырской реформы прибегнув к помощи Н.А. Милютина, который представил их императору, – планы Ф. Ф. Берга относительно монастырского дела не реализовались. В качестве косвенного подтверждения этому можно рассматривать выдержки из

---

<sup>14</sup> Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 85.

<sup>15</sup> Там же.

писем, характеризующие настроение наместника, после состоявшейся встречи с императором: «...не знаю в подробностях, что происходило в вагоне; но по рассказу главного очевидца (Мельникова), хитрый старец возвращался из Эйдкунена как обваренный, до глубокой ночи рассказывал о своих подвигах и о неблагодарности человеческой, жаловался на свое положение, на препятствия, и пр. и пр., <...> другой очевидец, Оболенский, хотя не знает об этих интимных разговорах Ф. Ф. Берга с Мельниковым, но нес то же впечатление...»<sup>16</sup>.

Конец октября и начало ноября 1864 г. прошли в подготовке к оглашению указа по монастырскому делу. Н. А. Милютин, в связи с этим, просил В. А. Черкасского держать все в тайне, чтобы не произошло утечки информации относительно подробностей указа, и, в особенности, когда именно случилось бы закрытие монастырей в Царстве Польском. Оно состоялось в ночь с 15 (27) на 16 (28) ноября 1864 г., несмотря на длительные приготовления, точную дату осуществления удалось сохранить в секрете до непосредственного приведения в жизнь замыслов реформаторов.

Реакция «властей» была вполне единодушной и далекой от справедливости в отношении осуществленных мероприятий по закрытию монастырей. Если наместник, по словам В. А. Черкасского, был просто доволен, то Ф. Ф. Трепов и Н. И. Корф пошли несколько дальше в своих эмоциях по поводу успешного закрытия монастырей: «...Трепов и Корф оба в восхищении и каждый из них себе приписывает всю славу. Первый забыл даже, что он отказался быть председателем особой комиссии о монастырях и уговаривал, и упрашивал Анучина не идти в члены. Корф счастлив как ребенок, ибо изумляется тому, что он не проболтался...»<sup>17</sup>.

---

<sup>16</sup> Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 95.

<sup>17</sup> Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 / 29 ноября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 227.

Стоит отметить, что присвоение чужих успехов было вполне нормальным явлением для наместника, это случалось и позднее, например, по назначению С. Зволинского управляющим Варшавской епархией, осуществленного при помощи усилий лично Черкасского<sup>18</sup>. Любой успех в Польше превращался в личную заслугу, так как наместник в глазах императора, фактически нес ответственность за все, что происходило в Царстве Польском. Отсюда и все здешние успехи также расценивались как результат действий наместника.

Преобразованиям по административной части началось уделяться серьезное внимание примерно с 1865 г. Подчеркивалась важность преобразований в этой сфере и абсолютная необходимость их проведения «...для упрочения нравственного влияния России в Польше...»<sup>19</sup>. По мнению лагеря реформаторов, эта реформа была почти настолько же важна, как и крестьянская.

Атаки на проект административных преобразований велась иногда открыто, а иногда очень хитро и, практически, незаметно. В один из дней Н. А. Милютин получил ответ от наместника по административным проектам. На первый взгляд там не оказалось никаких коренных возражений, лишь вопрос о благотворительных организациях, который наместник просил отложить. В основном были только мелкие замечания, при том, по мнению Н. А. Милютина, «весьма коварные»<sup>20</sup>. В частности, чиновник упоминал, что в полученном ответе от наместника, последний просит сохранения части полицейской власти за бургомистрами в безуездных городах: «...замечания <...> подчас мелочные до тупости, или

---

<sup>18</sup> Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 25 октября / 6 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 261–262.

<sup>19</sup> Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 января / 7 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 29.

<sup>20</sup> Zob.: Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 21 августа / 2 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 373

относящиеся лишь к редакции, которая, как вам известно, была вовсе не окончательная. Впрочем, над всем этим владычествует личная злоба, которая выразилась даже довольно наивно. Решительно у вашего шефа старческое размягчение мозга...»<sup>21</sup>, – заключал Н. А. Милютин. Так, не стесняясь в выражениях, Н. А. Милютин говорил о Ф. Ф. Берге и о его попытках навредить административным проектам.

Отношение В. А. Черкасского к замечаниям Ф. Ф. Берга было несколько иным. По мнению князя, требования и поправки графа не настолько невинны и малозначимы, как казалось Н. А. Милютину, хотя В. А. Черкасский и признавал, что сам поначалу не заметил ничего необычного в отметках Ф. Ф. Берга. Князь сообщал: «...хитрый старец чуть-чуть не надул нас обоих, под влиянием очевидно преобладающего ныне повсюду желания вести дело, во что бы ни стало, на соглашение и не оскорбить его еще более после понесенного им по финальной части и по Государственному совету поражения. Хитрый старец мастер пользоваться такими случаями...»<sup>22</sup>. И продолжал, раскрывая тактику Ф. Ф. Берга: «...обыкновенно, в прежнее время он, в отплату за такое поражение, довольствовался требованием немедленного вознаграждения себе в личных вопросах и наградами своим клеветам, которые служили в Варшаве к укреплению его положения. Ныне, подстрекаемый местными элементами (между прочим – Гецевичем и др.), он воспользовался случаем и отстаивает, кроме того, сам принцип наместничества и местной административной автономии, наперед проектам нового громкого закона, ограждая ее в будущем от посягательства; причем он старается не только о сохранении, по возможности всего прежнего безобразия местного управления,

---

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12/24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 395.

вызвавшего саму необходимость административной реформы, но требует еще большего усиления прежней системы или лучше сказать неурядицы...»<sup>23</sup>.

В. А. Черкасский вполне логично задавался вопросом, узнал бы Н. А. Милютин свой проект административной реформы, если бы в него внесли подобные правки?<sup>24</sup> По сути, административная реформа в том случае означала бы лишь частичное упразднение временного учреждения генерал-полицмейстерства, и его окончательное утверждение в новой организации III Округа жандармов. Губернские правления существенно не улучшились бы, а все проблемы их были бы еще больше укреплены законом.

Административные проекты были приняты 8 ноября 1866 г. в Польском комитете, со слов Н. А. Милютина, оценивались они им как вполне удачные. Примечательно, что во время заседания в Польском комитете в Петербурге, по словам Н. А. Милютина, граф Ф. Ф. Берг (28 октября 1866 г. получил чин генерал-фельдмаршала) был весьма приветлив и любезен: «...фельдмаршал необыкновенно скромн и мил. В заседании комитета произнес Вам самое похвальное слово по поводу административных проектов...»<sup>25</sup>.

Трудно объяснить, почему Ф. Ф. Берг произнес подобные слова в присутствии высших чиновников империи, возможно, наместник при всей личной нелюбви к В. А. Черкасскому, все же оценивал его и с профессиональной точки зрения. Однако, вероятно, он понимал, что князь уже не имеет прежнего политического веса и никак не сможет навредить самому наместнику, поскольку еще в апреле 1866 г., В.А. Черкасский

---

<sup>23</sup> Там же. Л. 396.

<sup>24</sup> Zob.: там же. Л. 406.

<sup>25</sup> Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 9 / 21 ноября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 468.

обратился к Ф.Ф. Бергу с просьбой об отставке, поэтому похвалить В. А. Черкасского было уже поступком, ничего не значащим с практической точки зрения. Это фактически был последний случай для подобной похвалы чиновника со стороны графа Ф. Ф. Берга.

В начале декабря 1866 г. у Н. А. Милютина случился инсульт. 2 декабря 1866 г. князь отправил наместнику письмо с просьбой не отказать в увольнении себя со службы и ходатайством подкрепить просьбу об увольнении. Увольнение В. А. Черкасского последовало одновременно с рассмотрением и введением в действие в Царстве Польском нового административного преобразования 1 января 1867 г.<sup>26</sup>

Русские чиновники из лагеря реформаторов были обвинены общественным мнением части зарубежной и польской прессы во многих проблемах Царства. Конкретно, это касалось, конечно же, князя В. А. Черкасского и Н. А. Милютина, чьим именем часто называлась система, образовавшаяся в Царстве Польском. Корреспондент *Breslauer Zeitung* описывал события тех дней: «...так пал этот [Черкасский – Авт.] жестокий реализатор милютинских экспериментов, правда только тогда, когда принес уже столько несчастья, когда разорил страну, когда обидел народ в самых дорогих для него вещах и еще большей сделал пропасть между властью и властвующими. Какие же усилия теперь должна приложить власть <...> чтобы лишь затянулись раны, нанесенные Милютиным и Черкасским ...»<sup>27</sup>. Фактически это показывало, что именно князь оказался виноватым. Это не было удивительным, поскольку В. А. Черкасский на самом деле являлся олицетворением, ярким сторонником

---

<sup>26</sup> Zob.: *Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 февраля 1867 года* // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 490.

<sup>27</sup> *Dziennik Poznański*. 1866. № 292. 23 grudnia; *Czas*. 1866. № 293. 25 grudnia.

Н.А. Милютина, главным проводником его идей и ключевой фигурой лагеря реформаторов в Польше.

М. Н. Катков, однако, на страницах «Московских Ведомостей» призывал не клеймить чиновников, которые, по сути, являлись исполнителями. Система, по его мнению, столь же мало являлась системой Н. А. Милютина, как и любого из подчиненных ему чиновников, поскольку являлась плодом исторического хода событий, и не могла быть именуема никак иначе, кроме системы Александра II<sup>28</sup>.

Таким образом, была подведена черта под деятельностью реформаторов в Царстве Польском. Усилия наместника, чтобы выжить сторонников В.А. Черкасского и Н.А. Милютина из Варшавы, увенчались успехом. Надо полагать, что это случилось, даже если бы последний остался здоров, и не отошел от дел. Однако стоит признать, что В. А. Черкасский, несмотря на крайне тяжелое свое положение, все-таки боролся до самого конца против козней и интриг, исходящих со стороны наместника. Князь постоянно выражал озабоченность, обеспокоенность, недоумение относительно действий наместника и его приближенных, и редко выражал радость по поводу локальных успехов, хотя каждое удачно реализованное или продавленное к исполнению решение стоило больших трудов.

Выезд В. А. Черкасского<sup>29</sup> из Варшавы вызвал противоречивую реакцию у чиновников. С одной стороны, можно отметить фрагмент из записки П. А. Фредерикса: «...разнесшийся слух об оставлении службы князем Черкасским, вызвал самые воодушевленные толкования и

---

<sup>28</sup> М. Н. Катков, «Система, действовавшая в Царстве Польском, есть система Императора Александра II, а не Милютина» [w] Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866 год. Москва, 1897–1898. s. 617.

<sup>29</sup> Czas. 1866. № 294. 28 grudnia. Сообщала, что В. А. Черкасский уже не вернется в Варшаву на свою должность, хотя имя его преемника еще не оглашалось. По мнению издания, уход князя с поста директора Комиссии внутренних дел вовсе не означал изменений в системе управления и подходов в решении проблем Царства Польского

рассуждения во всех сословиях и общественных кружках. Поляки торжествуют и не умеют даже скрыть своей радости. Подчиненные князя Черкасского считают себя счастливыми, что избавляются от столь крутого, надменного и недоступного начальника. Близкие и преданные люди князя Черкасского сильно задумались, и волнение их видимое. Находятся и такие, которые до сего, будучи душою преданными князю Черкасскому, то есть, как это было ими показываемо, ныне относятся о нем самым предосудительным образом...»<sup>30</sup>.

С другой стороны, обращает на себя внимание высказывание одного из калишских чиновников: «...пока был здесь князь Черкасский, мы не боялись ни польских влияний, ни жандармов, не боялись за наше собственное будущее и наконец, – что всего важнее, – не боялись за дело, для которого потрачено столько сил, трудов, забот и денег. Теперь все прошло и все пропало. Здесь стоят теперь стон и гул, – стон всех нас, истинных русских, и гул радости поляков... здесь уже нет кн. Черкасского, который видел их насквозь, – нет этого человека, который не только своей деятельностью, а просто одним присутствием своим и именем разрушал все сокровенные их надежды ...»<sup>31</sup>.

В этих упоминаниях князь В. А. Черкасский предстает двумя противоположностями, в одном – это жесткий человек, настроивший против себя весь высший свет Варшавы и свое окружение, а в другом он представал как защитник русских чиновников и проводников интересов империи, борющийся с постоянным противодействием со стороны поляков, которые безмерно радовались его отъезду. Вероятно, что обе эти характеристики были верными, и все это действительно сочеталось в князе.

---

<sup>30</sup> Записка П. А. Фредерикса от 6 / 18 декабря 1866 года // ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 2а. Д. 590. Л. 36.

<sup>31</sup> Выписка из письма Рычкова, из Калиша, – Варшавской губернии, – от 11 декабря, к Ю. Ф. Самарину в Москву // ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 2а. Д. 591. Л. 11.

Пожалуй, эти упоминания лучше всего характеризуют личность князя и его персону на службе в Царстве. Конечно, стоит учитывать, что отъезд князя оставлял административные преобразования без их идейного вдохновителя, составителя и организатора, что ставило под вопрос успешность их реализации, о чем в своей вышеупомянутой записке сообщал П. А. Фредерикс. Однако если вспомнить, что разговоры об отставке шли еще в апреле 1866 года, а ситуация в русской администрации серьезно обострилась к концу того же года, вряд ли можно действительно обвинять В. А. Черкасского в пренебрежении интересами Российской империи в Царстве Польском.

Деятельность реформаторов в Царстве Польском была связана с непрерывной борьбой против складывавшейся длительное время в Польше системы управления, против того, что было порождено этой системой, против сильного влияния польских дворянских слоев, против наместника и тех, кого он привлек на свою сторону. Результаты этой борьбы не были однозначными. Многие решения князю В. А. Черкасскому удалось провести благодаря своим твердым убеждениям в их необходимости, значительная поддержка, способная сломить сопротивление политических оппонентов, была получена от Н. А. Милютина.

С другой стороны, поражение реформаторов произошло не без содействия наместника, а Ф. Ф. Берг сохранял свою должность до 1874 г., и был последним наместником Царства Польского. Следовательно, граф и дальше мог проводить, пусть и с оглядкой на Петербург, но свою политику, не встречая непосредственно в Царстве Польском серьезных оппонентов при реализации своих замыслов. Исходя из сведений, оставленных В. А. Черкасским, Ф. Ф. Берг был скорее отрицательной политической фигурой, но эта оценка вытекала из постоянного противостояния двух лагерей, сложившихся в ходе реформ в Польше. Наместник реализовывал

свое видение политики в отношении Царства Польского, у него были иные мотивы, он по-другому смотрел на ситуацию. Принесла ли его особая позиция вред для реализации государственных интересов, как они понимались верховной властью применительно к этой территории? Скорее нет, чем да. Более того, противостояние двух этих ведущих сил, сложившихся в администрации Царства Польского, не оставило в стороне от осуществления реформ ни одного из действовавших там чиновников. Все они вынуждены были принять участие в борьбе за осуществление преобразований, сделать свой выбор в пользу той или иной стороны, боровшейся за влияние и главную роль в принятии ключевых решений. Это была не всегда честная и не всегда равная борьба, но она всё же позволила провести в Польше немалое количество конструктивных изменений как в период с 1864 по 1866 г., так и в более позднее время.

Следует констатировать, что в развернувшемся противостоянии преимущество было у сторонников Н. А. Милютина и В. А. Черкасского, поскольку именно их варианты проектов в большинстве своем приобретали форму окончательных решений. Однако в итоге именно сторонники графа Ф. Ф. Берга получили то влияние на территории Царства Польского, за которое шла борьба в течение трех лет. Должность наместника сохранилась до 1874 г., и в этом была несомненная заслуга Ф. Ф. Берга, продолжавшего до самой смерти оказывать свое влияние на ход политического процесса в Польше.

Оценивая происходившие события с разных точек зрения, приходится констатировать, что при некоторых позитивных моментах, противостояние серьезным образом осложняло работу над принятием решений в Царстве Польском, и местами борьба политических элит за главенство в этом процессе отдаляла их от конечного результата. Сами же чиновники порой ставили собственные интересы превыше

государственных, но система сдержек и противовесов, сложившаяся в Царстве Польском в 1864 г. именно на почве политической конкуренции, позволяла контролировать такие стремления, пусть и через серьезные конфликты.

В целом же, основной российский государственный интерес был реализован – Царство Польское преодолело последствия Январского восстания, и именно в этот период здесь начался процесс русификации. Насколько этот итог был успешен в исторической перспективе? Для российской верховной власти фундамент, заложенный в первые годы после восстания, и те серьезные преобразования, которые были проведены на территории Царства Польского, позволили империи избежать дальнейших конфликтов с Польшей в течение довольно длительного периода, и реализовывать государственные интересы без оглядки на обострившийся «польский вопрос».

## REFERENCES

### Sources:

- Berg M., *Zapiski i polskich spiskach i powstaniach*. Cz. 10. Warszawa, 1906.  
 Czas. 1866 (№ 293, № 294). Kraków.
- Gosudartvennyy arkhiv rossiyskoy federatsii*  
 - F. 109 s/a. Op. 2a. D. 590, *Donesenija namestnika Carstva Pol'skogo grafa Berga F.F. i general-policmejstera barona Frederiksa o politicheskom sostojanii Carstva Pol'skogo. Chast' dok. na fr.jaz.*  
 - F. 109 s/a. Op. 2a. D. 591, *Vypiski iz pisem Rzhevuskogo, Rychkova i dr. k Koni A.F., Katkovu M.N., Samarinu Ju.F. o nastroenijah poljakov, o naznachenijah v vysshej administracii Carstva Pol'skogo.*  
*Dziennik Poznański*. 1864 (№ 3, № 165, № 166). 1866 (№ 292). Poznań.
- Katkov M. N., «*Sistema, dejstvovaoshaja v Carstve Pol'skom, est' sistema Imperatora Aleksandra II, a ne Miljutina*» [in:] *Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej*. 1866 god. Moskva, 1897–1898. s. 616–618.
- Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka, Naучно-исследовательский отдел рукописей:*  
 F. 327. Karton 30. Ed. hr. 2, *Perepiska Miljutina Nikolaja Alekseevicha s Cherkasskim kn. Vladimirom Aleksandrovichem za 1864 god.*  
 F. 327. Karton 31. Ed. hr. 1, *Perepiska Miljutina Nikolaja Alekseevicha s Cherkasskim kn. Vladimirom Aleksandrovichem (za 1865 god).*

F. 327. Karton 32. Ed. hr. 1, *Perepiska Miljutina Nikolaja Alekseevicha s Cherkasskim kn. Vladimirom Aleksandrovichem (za 1866 god)*.

**Studies:**

Głębocki H., *Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków 2000.

Kieniewicz S., *Teodor hrabia Berg – wielkorządca w feudalnym, czy też w burżuazyjnym stylu? [in:] Między feudalizmem a kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych*, Wrocław 1976, s. 277-286.